

АНДРЕЙ ФЛИЕР: «МОЯ СТИХИЯ — СИСТЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ»

В интервью известного теоретика культуры доктора философских наук, профессора Андрея Яковлевича Флиера поднимаются проблемы онтологии и социальной сущности культуры, её определения с научных позиций самого Флиера, особенностей современной культуры, места искусства в культуре, а также вопросы профессионального становления А. Я. Флиера как культуролога и влияния на него учителей, его гражданского и научного кредо, вклада самого учёного в современную теорию культуры, общих перспектив культурологической науки и образования. Интервью приурочено к 70-летию со дня рождения Андрея Яковлевича Флиера.

Ключевые слова: культура, поведение, культурология, искусство, современность, учитель, мировоззрение, учёный, культурологическая наука и образование.

Keywords: culture, behavior, culturology, art, modernity, teachers, worldview, scientist, cultural science and education.

СПРАВКА

Флиер Андрей Яковлевич родился 14 ноября 1950 года в г. Москве.

В 1976 году окончил исторический факультет Московского государственного заочного педагогического института.

В 1977–1990 годах работал в НИИ теории и истории архитектуры.

В 1991–1993 годах — в Россий-

ском открытом университете (РОУ) — декан культурологического факультета. В эти годы А. Флиер начинает разработку модели специального культурологического образования, принимает участие в создании первого государственного образовательного стандарта по культурологии. Одновременно в эти годы Флиер работает в Российском институте культурологии (РИК), где занимается теоретическими проблемами исторической культурологии, пишет статьи для энциклопедии «Историческая культурология».

С 1993 по 2010 год работал в Московском государственном университете культуры и искусств (МГУКИ). Является создателем и руководителем Высшей школы культурологии, заведующим кафедрой культурологии и антропологии.

В 1995 году защитил диссертацию «Структура и динамика культурогенетических процессов», за которую ему присваивается учёная степень доктора философских наук, минуя кандидатскую ступень (первый случай по гуманитарным наукам в отечественной практике; до этого такие прецеденты были только в технических науках и медицине).

В настоящее время — главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета, главный редактор электронного журнала «Культура культуры».

Автор более 350 публикаций, в том числе 34 книг¹.

¹ Флиер, Андрей Яковлевич // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Флиер,_Андрей_Яковлевич (дата обращения: 20.10.2020); Страницка директора // Высшая школа культурологии. — URL: <http://vshk2.narod.ru/director.html> (дата обращения: 20.10.2020).

В культуре не следует видеть искусственную «вторую природу», созданную людьми в дополнение к естественной «первой природе». Культура — это и есть «первая природа», но на определённом этапе её развития. Когда-то материя породила жизнь, потом жизнь породила разум, а разум породил культуру. Всё развивается.

Но начнём сначала. Живая материя отличается от неживой тем, что, во-первых, растёт, то есть увеличивает размер и массу своих частей за счёт клеточного деления. Во-вторых, размножается, то есть воспроизводит себя в виде новых организмов, принципиально повторяющих родительский. И, в-третьих, адаптируется, то есть приспосабливается к среде обитания. Адаптация бывает двух типов: фундаментальная и оперативная.

Фундаментальная адаптация, в ходе которой меняются различные морфологические параметры организма, требует длительного времени. Например, увеличение длины клюва того или иного вида птиц занимает тысячи лет и требует смены тысяч поколений. Именно такую адаптацию описывал Ч. Дарвин в своей книге «Происхождение видов...» [2].

Оперативная адаптация заключается в изменении стереотипов поведения особи применительно к изменившимся условиям среды. Такая адаптация протекает быстро и обычно занимает не более нескольких месяцев. Наиболее показательным примером такой адаптации у животных служит цирковая дрессировка. Дрессировщик за короткий срок обучает животное совсем не характерным для него поведенческим актам (например прыжкам сквозь «горящий» обруч), давая ему за это какое-то лакомство. Выраженной особенностью этой смены стереотипов поведения животных является жёсткая индивидуальность такой адаптации. Другие животные могут наблюдать за дрессировкой своего сородича, но при этом они ничему не учатся. И само дрессированное животное ничему никого научить не может.

А вот для людей, напротив, характерно групповое усвоение адаптивных изменений поведения. У людей при смене внешних условий меняет стереотипы поведения сразу вся социальная группа, а в идеальном случае вся популяция. Такая программа группового адаптивного поведения у людей называется словом «культура».

Пока человек живёт один на необитаемом острове, он не нуждается ни в какой культуре, поскольку ему не нужно ничего ни с кем согласовывать и искать способы коллективного выживания на этом острове. Но, как только на острове появляются другие люди, возникает ряд проблем. Во-первых, нужно выработать общий язык для обмена информацией с другими людьми. Во-вторых, нужно разработать приёмы взаимодействия с другими для решения общих задач. В-третьих, нужно найти такие формы собственного поведения, которые

не будут вызывать отторжения у других, подозрений в твоих дурных намерениях (это называется вежливостью, тактичностью, толерантностью). В-четвёртых, нужно разработать способы трансляции своего социального опыта следующим поколениям (воспитание и обучение детей). В-пятых, желательно выработать общие с другими людьми интерпретации и взгляды на мироустройство, проблемы жизни и смерти, добра и зла и проч. Этот перечень можно продолжать до бесконечности, и все его составляющие так или иначе будут способствовать коллективному выживанию людей на этом острове, их согласию между собой. Это и есть культура.

Первым выделил этот аспект понимания культуры замечательный польский философ и писатель-фантаст Станислав Лем. В своей книге «Философия случая» он называл культуру «стратегией коллективного выживания» в среде [3]. Лем имел в виду выживание в существующих природных и исторических условиях. Я же сосредоточил свои исследования на адаптации к социальным условиям, то есть непосредственному социальному окружению человека. Совмещение взглядов Лема и моих позволило выработать «Нормативную теорию культуры» [11] как обобщающую сентенцию подобного подхода.

Таким образом, культура — это групповое адаптивное поведение людей, приспособляющее их к природному, историческому и социальному контекстам их существования.

Не следует понимать слово «адаптация» слишком прямолинейно. Культурная адаптация каких-то внешних условий, как правило, имеет опосредованный характер. Например, исторические условия, в которых живёт общество, в большинстве случаев не могут быть адаптированы только культурой. Но эти условия существенно влияют на характер социальных отношений в обществе, которые и являются основным предметом культурной адаптации.

Как вписывается в приведённое определение духовная культура, в частности, такой феномен, как художественное творчество? Это тоже адаптация? Безусловно. Ведь адаптация включает в себя не только изменение стереотипов поведения одного поколения людей, но и передачу этого опыта потомкам. И вот здесь основными каналами передачи опыта, наряду с воспитанием и обучением, становятся искусство и религия. Так что и художественное творчество тоже задействовано в культуuroобразующей адаптации, но на этапе трансляции её результатов.

И хотя вся культура функционально не может быть сведена к одной лишь адаптации, эта её функция представляется первичной по отношению к остальным.

Современную культуру очень трудно охарактеризовать по каким-то особенным внешним формам. Как писал Ю. Тынянов о подпоручике Кижее, он «арестант

секретный и фигуры не имеет» [5]. Так же и современная культура. С одной стороны, в ней есть всё, с другой стороны, по каким-либо внешним формам её выделить невозможно. Поэтому я предпочитаю выделять её по содержательной тенденции, которая в ней заложена.

В своё время я провёл специальное исследование по вопросу о восприятии добра и зла в культурах разных эпох [6]. В первобытную эпоху наибольшим добром считалось соблюдение обычаев, злом — их нарушение; в аграрную эпоху наибольшим добром — каноничная сакральность, богоугодность каких-то действий, злом — ересь; в индустриальную считалось добром — продуктивная эффективность какой-либо практики, а наибольшим злом — посягательство на чужую собственность. Сейчас, в постиндустриальную эпоху, наибольшим добром считается обеспечение личной свободы человека (в том числе в его культурных самопроявлениях), злом — посягательство на его человеческое достоинство. Если обобщить все последние социальные конфликты в мире, то их основная причина будет заключаться в разной трактовке понятия «свобода». Современная культура — это культ свободы.

Мне часто приходится слышать, что современная культура — это постмодернизм. Я очень люблю постмодернизм, но думаю, что в реальности всё сложнее. Постмодернизм возник как антимодернизм. Если модернизм/авангард в искусстве экспериментировал с формами произведений, не удаляясь от классических содержаний, то постмодернизм, напротив, экспериментирует с содержанием (смыслами), придерживаясь при этом традиционных, узнаваемых форм. Постмодернизм, по моему мнению, начался с сюрреализма в его живописных и поэтических формах ещё в 20-х годах XX века (С. Дали, Р. Магритт, Х. Миро, А. Бретон, П. Элюар, Л. Арагон и проч.) и в прозе (Д. Джойс, Ф. Кафка, Д. Хармс, М. Булгаков). Здесь ясно видны эксперименты со смысловым содержанием произведений. Во второй половине века постмодернизм проявился в основном в литературе (К. Воннегут, В. Аксёнов, У. Эко, П. Зюскинд), кино (Л. Бунюэль, П. Гринуэй), драматургии (Э. Ионеску, С. Бекет, Т. Стоппард), но более всего в философии (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, Ч. Дженкс и др.). В архитектуре признаки постмодернизма для меня не столь очевидны (если не считать постмодернизмом любую эклектику). Скорее это имитация архитектурой форм иных предметов (например, Театр Красной армии в форме звезды в Москве К. Алабяна и В. Симбирцева, небоскрёб Мэри Экс в форме огурца в Лондоне Н. Форстера, башня «Эволюция» в форме спирали ДНК в Москве Ф. Никандрова и т. п.).

А вот в XXI веке постмодернизм никак себя не проявил. Возможно, он уже исчерпал себя (как и художественный авангард первой половины XX в.). Но он задал такую высо-

кую планку свободы в интеллектуальном самопроявлении человека, что это и стало основным признаком современной культуры. Однако в любом случае постмодернизм представляется финальным аккордом культуры индустриальной эпохи, а не началом новой постиндустриальной культуры. В нём нет принципиально нового взгляда на мир.

В последнее десятилетие зародилась некая новая тенденция в культуре — метамодерн (метамодернизм), проявляющийся в основном в культурных интерпретациях [12]. На мой взгляд, в искусстве он пока ничего интересного не создал. А в метамодернистских интерпретациях заметен отказ от деления культуры на «высокую» и «низкую», равно благожелательное отношение к феноменам элитарной, народной и массовой культур, уважение к культурам всех народов (особенно архаичным), ироничность не столько по отношению к объектам интерпретации, сколько по отношению к самому субъекту интерпретирования и т. п. Иными словами, метамодернизм предлагает интерпретировать культуру независимо от общепринятых критериев «хорошего» и «плохого», основываясь только на личных вкусовых предпочтениях интерпретатора. Является ли это новым шагом к свободе человека в культуре? Посмотрим...

И вся современная культура строится на размывании традиционных критериев «высокого» и «низкого», «хорошего» и «плохого», «правильного» и «неправильного». Грядёт ли за этим отмена членения на «культурное» и «некультурное»? Мы пока не знаем...

Сегодня культура ассоциируется преимущественно с литературой и искусством, потому что именно они являются основными каналами трансляции населению культурных ценностей, образцов «правильного» поведения в различных жизненных коллизиях. Это стало особенно заметным в Новое время с его масштабной урбанизацией, всеобщей грамотностью и т. п. Но так было не всегда. Например, в Средневековье, когда большинство населения было неграмотным и никакого доступа к искусству не имело, основным каналом трансляции культурных ценностей была религия. Именно приходской священник (или его аналоги в других религиях) был тогда телевизором и Интернетом, библиотекой и музеем. От него узнавали все новости, и он же давал советы, как «правильно» себя вести. А ещё раньше, в эпоху первобытности, таким каналом трансляции культурных ценностей было непосредственное участие человека в племенных обрядах и ритуалах. Сейчас же такими каналами являются литература и искусство.

Но век их доминирования в культуре уже кончается. Много лет занимаясь вузовским преподаванием, я однажды провёл анкетирование своих студентов (культурологов!) и выяснил, что никто из них не читал шекспировского «Гам-

лета», зато все видели фильм «Гамлет» с Иннокентием Смоктуновским; никто не читал «Ромео и Джульетту», но все видели одноимённый фильм с Леонардо ди Каприо и т. п. Во второй половине XX века кинематограф жёстко вытеснил художественную литературу и стал основным каналом трансляции культурных ценностей.

А в последние три десятилетия таким каналом становится интернет-блоггерство. Культурные ценности стали обсуждаться и интерпретироваться не только профессионалами, но и любым желающим. Это создаёт совсем новую ситуацию в культурном пространстве. Думаю, что к середине нашего века культура уже будет ассоциироваться, видимо, не с литературой и искусством, а с кино и Интернетом.

По образованию я историк. Я научился читать очень рано (в пять лет), и первой книгой, попавшей мне в руки, была «Большая советская энциклопедия», тот том, где была обширная статья о декабристах. И мне так понравились картинки к ней, что я решил стать историком. Повзрослев, я влюбился в архитектуру. Всю историческую Москву я исходил пешком, обозревая её архитектуру. И когда пришло время поступать в вуз, передо мной встала дилемма: куда? На исторический факультет или на архитектурный? Я поступил на исторический, но, получив диплом, пошёл работать в НИИ теории и истории архитектуры.

Там я занимался любимым мною Средневековьем, но институт получил задание от Госстроя создать многотомную «Историю архитектуры народов СССР». Мне было поручено участвовать в работе над первым томом, посвящённым зарождению строительной деятельности в первобытности (я же историк). Я очень увлёкся этой проблемой, особенно явной однотипностью первых построек человека (навесов, шалашей) и строительной практики животных (гнезд, бобровых плотин и др.), но быстро понял, что нельзя постичь происхождение архитектуры, пока не освоишь происхождение культуры в целом. И мои исследования стали всё больше и больше приобретать культурологический характер. Я стал специалистом по культуре первобытной эпохи и утверждал, что знаю всех питекантропов в лицо, а некоторых даже по имени-отчеству.

В 1993 году я пришёл в Российский институт культурологии к выдающемуся социологу культуры Эльне Александровне Орловой и стал её аспирантом. Эльна не только стала моим профессиональным учителем, но и другом. Именно она развила во мне склонность к системному научному мышлению, и именно она заложила в моё научное сознание увлечение структурным функционализмом. Под её влиянием системный анализ социальных функций культуры стал для меня основой всех моих исследований, хотя в разных случаях я пользовался и другими методологиями. Но я запомнил, что в любом культурном явлении нужно

разглядеть прежде всего его функцию, то есть социальные проблемы, которые решаются с его помощью. Орлова — дочь известного советского архитектора — сформировала во мне и привычку никогда не останавливаться на достигнутом, смело пересматривать свои прежние взгляды. Учёный должен непрерывно развиваться — это тоже одно из главных профессиональных качеств. Я подружился с Эльной много лет, до самой её недавней смерти.

Когда я написал диссертацию о культурогенезе [10; см. также 9], диссертационный совет присудил мне за неё ученую степень сразу доктора философских наук, минуя кандидатскую ступень (тогда это ещё было можно).

Другим своим учителем я считаю социального психолога Акопа Погосовича Назаретяна. Акоп обратил моё внимание на то, что культура — это не только всё самое хорошее в человеке, но и самое плохое, и что нельзя понять культуру, не изучая её негативные, деструктивные стороны. И я много занимался изучением профессиональной культуры палачей, убийц, гробокопателей, хулиганов [7]. Культура не бывает плохой или хорошей; в ней есть лишь то, что актуально здесь и сейчас для данной социальной среды. Именно Акоп научил меня трактовать культуру не только как человеческую деятельность, но и в масштабе Универсальной истории, как этап эволюции материи во Вселенной. И это стало одним из ключевых моментов моей научной парадигмы.

И, наконец, своим третьим учителем я называю философа, психолога, религиоведа и науковеда Ольгу Ивановну Горяинову. Я никогда не считал Ольгу своим учителем (мы и по возрасту были ровесниками) и только гораздо позже понял, как многому она меня научила (всё-таки за её спиной философский факультет МГУ). Ольга очень помогала мне в работе над моими первыми книжками. И именно она вложила в мою голову понимание того, что за каждым культурным явлением стоит человек со своим мировоззрением, отношением к добру и злу, жизни и смерти, что культура — это живые люди со своими интересами и потребностями. Культуру нужно увидеть через человека, исполняющего культурные нормы. Это антропологическое понимание культуры также стало одной из основ моей научной работы.

Вообще, своими учителями я могу считать множество людей. Это и философы М. С. Каган, Н. С. Злобин, Н. Н. Моисеев, В. С. Степин и В. М. Межуев, культурологи Э. С. Маркарян, С. Н. Иконникова, И. М. Быховская, Н. Г. Полтавцева и Т. Ф. Кузнецова, социолог А. С. Ахиезер, этнограф Г. В. Старовойтова, искусствоведы К. Э. Разлогов и Н. Ю. Самойленко, архитектуроведы А. Л. Баталов, В. Л. Глазычев, А. И. Куркчи, И. Н. Хлебников и многие другие. Со многими учёными я был дружен и многому у них учился. К этому нужно прибавить тысячи прочитанных мной книг, а также моё историческое образование, заложившее в меня знание

огромного массива фактов истории и культуры, что очень помогало мне в работе. Меня сформировала сама атмосфера 1990-х годов, её отношение к науке, востребованность ярких, талантливых людей, смелых концептуалистов.

В каждый свой текст учёный закладывает крупницу своего мировоззрения, своего научного и гражданского кредо. Вот суммировать и систематизировать эти крупницы сложно. Но я постараюсь.

Моё научное и гражданское мировоззрение держится на четырёх основах (по аналогии с буддизмом я называю их «четыре благородные истины»). Это позитивизм, эволюционизм, атеизм и либерализм. Мой позитивизм в том, что я не верю ни в какие умозрительные априори. Любая теория должна быть подтверждена историческим социальным опытом. Эволюционизм в том, что я являюсь убеждённым дарвинистом и даже в некотором смысле марксистом (конечно, не в политическом, а в научно-познавательном аспекте). Атеизм в том, что я не верю ни во что сверхъестественное. Как учёный, я испытываю интерес ко многим религиям (особенно к китайскому даосизму), но всегда занимаю по отношению к ним позицию стороннего наблюдателя. Либерализм заключается в том, что по политическим убеждениям я анархист, то есть либерал в крайней степени и разделяю мечту о коммунизме как обществе, саморегулирующемся с помощью культуры, без всякого государства и его средств насилия.

Как анархист, я считаю государство устаревшей формой самоорганизации людей, оптимизированной под условия аграрной эпохи. Конечно, либеральная демократия Нового времени существенно модернизировала иерархическое государство аграрной эпохи. Но, я думаю, что представительская демократия тоже устарела. Уже давно пора придумать что-то более современное, эффективное, основанное на иных принципах. Чтобы разобраться в этом, необходимо чётко различать следующее: этактисты считают главной формой социальной организации государство, управляемое централизованной властью; либералы — общество, самоуправляющееся на основе единства культуры; а анархисты — ситуативное сотрудничество свободных личностей, регулируемое совпадением интересов.

Здесь необходима отсылка к Джону Локку — шотландскому теоретику либерализма XVII века, который полагал, что при сопоставлении общества с его горизонтальной структурой (сейчас бы сказали — сетевой), регулируемой культурой, и государства с его вертикальной иерархической структурой («вертикалью власти»), регулируемой идеологией и насилием, исторически более важно общество, а государство должно быть у него в служанках [4]. Я разделяю этот взгляд. Поэтому на всех выборах я

голосую «против» и в своих научных работах отстаиваю типично либеральные установки.

Вместе с тем я не считаю главной, универсальной бедой современности устаревшую государственность. У современного общества бед много, и у каждой своя причина. Неэффективная государственность только одна из них, но она наиболее актуальна для сегодняшней России.

Так или иначе, но фактически в каждой моей статье есть следы хотя бы одной из «четырёх благородных истин». Отсюда и моя неприязнь к многочисленным теориям цивилизации, в корне несовместимым с позитивизмом и эволюционизмом.

Учёный — это прежде всего систематизатор. Гениально проинтерпретировать что-либо может любой, а вот дать системную аргументацию своей точки зрения может только учёный. Нередко и всё научное исследование сводится именно к систематизации всей информации о предмете исследования, а это уже позволяет увидеть и основные базовые основания функционирования или развития предмета или процесса. Научные открытия происходят тогда, когда в изучаемой системе явно недостаёт каких-то звеньев. Их начинают искать, находят, и это и есть открытие. Учёный обычно точно знает, что он ищет и где это следует искать (даже археологи). Наука вслепую не работает. Просто в любом предмете нужно увидеть его внутреннюю систему, выделить её основные составляющие (системообразующие компоненты) и реконструировать их системное функционирование. В этом учёный похож на архитектора. Архитектура — это ведь тоже систематизация пространств.

Любой учёный стремится познать истину. Однако, согласно общей теории относительности А. Эйнштейна, истина — вещь относительная, и её измеряемые параметры зависят от контекста, в котором происходит измерение [1]. Дважды два равняется четырём только в нашем трёхмерном пространстве. А в пятимерном результат может быть совсем иным. Тем более это актуально для наук о культуре, где нет измерений, а есть только экспертные оценки. Естественно, что столь нечёткие науки о культуре (и культурология в частности) остаются совершенно невостребованными государством.

Культуролог отличается от иных учёных тем, что он не участвует в полевых исследованиях, не добывает нового фактического материала, а берёт этот материал у других (историков, археологов и проч.) и подвергает его так называемому вторичному анализу со своих культурологических позиций. В этом он схож с философом. Но если научные результаты философского анализа, помимо вузовского преподавания, могут быть востребованы лишь для оформления какой-либо политической идеологии, то результаты культурологическо-

го анализа могут стать инструментом непосредственного управления социальным поведением людей.

Другое дело, что для этого власть должна понять, что культурная политика — это самая эффективная внутренняя политика, и лучше управлять поведением людей с помощью культуры (пряником), чем с помощью полиции (кнутом). В одной из ранних своих статей я писал, что, если власть не строит новые театры, ей придётся строить новые тюрьмы [8]. Но для понимания этого страну должен возглавлять лидер, обладающий высокой гуманитарной культурой. Поскольку в обозримом будущем это маловероятно, то и до востребованности культурологической науки государством столь же далеко. Так что плоды работы учёных-культурологов могут быть востребованы даже не завтра, а в лучшем случае послезавтра.

Впрочем, с культурологической наукой дела совсем плохи. Новых имён ярких теоретиков культуры практически не видно. Я боюсь, что фундаментальная наука о культуре в нашей стране может закончиться с уходом поколения, которому посчастливилось начинать культурологию в 1990-х годах. Останутся вузовские лекторы и ориентированные на практику прикладники. Но, что они будут делать без развития фундаментальной теории культуры, сказать трудно.

Под моим руководством было защищено около 20 докторских и почти 30 кандидатских диссертаций. Но, увы... Почти никто из новоиспечённых докторов и кандидатов наук не стал пишущим исследователем. А те, что стали (например, известный питерский антрополог С. В. Лурье или московские культурологи А. В. Костина и И. В. Малыгина, смоленский культуролог Ю. А. Грибер и челябинский Г. М. Казакова), не развивают моих идей, а занимаются собственными темами. Наверное, это нормально. Учеников у меня много, а продолжателей нет. Впрочем, продолжатели появляются неожиданно и, как правило, не из среды учеников.

Время всё расставит по местам, определит, что важно, а что нет. Но сегодня я считаю своим важнейшим вкладом в науку о культуре такие сентенции, как:

— культура — это программа группового адаптивного поведения людей;

— культура — это не «альтернатива природе», а закономерный этап эволюции природы, высшая ступень усложнения сознания и поведения биологических существ, их функциональной организации;

— культура человека ведёт своё происхождение от социального поведения животных, которое можно считать протокультурой в её элементарных проявлениях;

— у животных есть и художественная культура, только воплощена она не в живописи и музыке, а в театре; игра у

животного в принципе та же, что и у актёра на сцене; это такая же имитация реальности, но не с эстетическими, а с репетиционными целями;

– культура обеспечивает коллективный характер деятельности и образа жизни людей, её основная функция — социальная интеграция, это стратегия поведения человека по отношению к другому;

– культура является сложной многоуровневой иерархической системой социальной символики (смыслов и значений человеческих слов и действий) и строится на выборе между добром и злом;

– культура — это модальность, присутствующая во всех отраслях деятельности людей, однако не производящая свой специфический продукт, а лишь нормы осуществления любой деятельности, и способствующая взаимопониманию как производителей, так и потребителей отраслевого продукта;

– если религия — это договор о смерти и посмертном существовании человека, то культура — это свод правил его поведения при жизни;

– культура постоянно развивается от простого к сложному, от простейшего коллективного труда к сверхсложному индивидуальному творчеству, от повторения старого к изобретению нового, от поклонения сакральному к его экстравагантной интерпретации;

– история культуры — это путь системы от состояния «неустойчивого равновесия» (со средой) к состоянию «устойчивого неравновесия»;

– своеобразные конкретно-исторические формы национального бытия, как правило, складываются случайно, а направленность тенденций развития культуры (художественные стили, устойчивые структуры языка и поведения) — закономерно, что определяется лишь ретроспективно;

– увеличение темпа социального развития общества ведёт к понижению уровня локального своеобразия его культуры, а повышение уровня своеобразия культуры ведёт к замедлению темпа социального развития общества;

– культура — это спектакль лояльности человека по отношению к действующим социальным условиям, в котором он исполняет какие-то роли в рамках приватной или публичной культуры;

– культурная политика — это форма внедрения господствующей идеологии в массовое сознание;

– свобода — это удовлетворяющий общество баланс между индивидуальным и коллективным началами в культуре.

На протяжении 17 лет я возглавлял Высшую школу культурологии (ВШК) — факультет в составе Московского государственного университета культуры. Мы давали очень хорошее образование (это признают все). И что в результате? А то, что ни один выпускник ВШК не работает по специальности. Они прекрасно работают историками, искусствоведами, редакторами, администраторами. Но не культурологами. В России просто нет такой специальности.

Собственно культурологами работают лишь немногие исследователи культуры, а также те, кому удалось попасть на культурологические кафедры вузов и читать курс общеобразовательной культурологии. Но один этот курс, довольно маленький и поверхностный, не даёт требуемой нагрузки, и преподавателям приходится брать на себя ещё несколько других. Всё это никак не стимулирует их самостоятельную научную активность. Заниматься наукой им просто некогда.

Зато выявилась другая очень важная вещь. Культурологическое образование — это великолепное второе высшее образование для специалиста-историка, социолога, филолога, искусствоведа. Мои бывшие выпускники рассказывали мне, что, став культурологами, они совершенно по-новому увидели мир, по-новому стали оценивать социальную реальность, добились значительных успехов в своей первой специальности. Их профессиональная конкурентоспособность резко возросла. Поэтому, пока государство не созреет к открытию специальности культуролога, культурологическое образование — лучшее второе образование для личностного саморазвития любого гуманитария.

Моё происхождение из семьи музыкантов, пожалуй, никак не отразилось на моих профессиональных тяготениях. К искусству, как и к религии, я отношусь как посетитель музея, с соблюдением дистанции. Моя стихия — это системное мышление, которого в искусстве немного. А вот то, что в своё время я не стал архитектором, болит во мне до сих пор. Это моя незаживающая рана...

Список использованных источников

1. Айзексон, У. Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная / У. Айзексон. — Москва : Corpus, 2015. — 1020 с.
2. Дарвин, Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Ч. Дарвин ; пер. К. А. Тимирязева с исправл. и указ. под общ. ред. Н. И. Вавилова ; ввод. ст. Н. И. Бухарина и Н. И. Вавилова. — Москва ; Ленинград : Сельхозгиз, 1935. — 636 с.
3. Лем, С. Философия случая / С. Лем. — Москва : АСТ, 2005. — 767 с.
4. Нарский, И. С. Философия Джона Локка / И. С. Нарский. — Москва : Изд. МГУ, 1960. — 63 с.
5. Тынянов, Ю. Н. Подпоручик Кижэ / Ю. Н. Тынянов. — Текст : электронный // LibreBook. — URL: https://librebook.me/rodporuchik_kije/vol1/1 (дата обращения: 21.06.2020).
6. Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2015. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (дата обращения: 18.06.2019).
7. Флиер, А. Я. Культура как репрессия / А. Я. Флиер. — Москва : Диаграмма, 2006. — 320 с.
8. Флиер, А. Я. Культура как фактор национальной безопасности // Флиер А. Я. Культурология для культурологов. — Москва, 2000. — С. 425–437.
9. Флиер, А. Я. Происхождение и развитие культуры : учеб. пособие / А. Я. Флиер, М. А. Полетаева. — Москва : МГУКИ, 2009. — 272 с.
10. Флиер, А. Я. Структура и динамика культурогенетических процессов : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 17.00.08 / А. Я. Флиер. — Москва, 1995. — 42 с.
11. Флиер, А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Культура культуры : электрон. журн. — 2019. — № 1. — URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.06.2019).
12. Vermeulen, Timotheus, van den Akker, Robin. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.

Подготовила Ольга Волкотрубова.
Фотография из архива Андрея Флиера.

Материал поступил в редакцию 19.09.2020.